

М.А. Сейдинова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: madina.seidinova@bk.ru)*

Этические вопросы суррогатного материнства

Глобальный рынок коммерческого суррогатного материнства растет значительными темпами. Каждый год тысячи женщин соглашаются за определенную плату выносить ребенка для другой женщины. В результате тысячи детей рождаются, зачатые одной женщиной, но востребованные другой. Центральный аргумент этой статьи заключается в том, что к суррогатному материнству следует подходить как к сложным коммерческим, этическим, юридическим отношениям. В данный момент времени идет активная международная торговля матками, спермой и яйцеклетками. Есть быстро развивающиеся медицинские технологии, которые, несомненно, увеличили как спрос на услуги суррогатного материнства, так и предложение от суррогатных матерей. Однако правовые основы рынка, регулирующие суррогатное материнство, нормы, законы, развиваются значительно медленнее. Одни государства, как, например, США, Франция, Германия, Австрия, регулируют вопросы, связанные с суррогатным материнством, в основном, в форме запрета, другие государства — создают максимально либеральное законодательство, как, например, Индия, Россия, Казахстан. В статье автором сделан вывод о том, что этические и моральные вопросы суррогатного материнства разделили на два лагеря все страны в мире: сторонники и противники, которые сравнивают его с рабством женщин. Обоснована необходимость установления мер безопасности, гарантирующих, что в этой сделке не будет эксплуатации женщин, находящихся в трудном финансовом положении.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, гестационное суррогатное материнство, этические вопросы, моральные вопросы, экстракорпоральное оплодотворение, права суррогатной матери, права суррогатного ребенка, права родителей.

Введение

Уже сейчас рынок суррогатного материнства велик и продолжает расти. Есть тысячи потенциальных родителей по всему миру, у которых есть как желание, так и средства, чтобы нанять другую женщину, чтобы она родила им ребенка/детей. Некоторые из этих родителей являются традиционными парами, и жена физически не может выносить собственного биологического ребенка. Некоторые из них являются традиционными парами, в которых жена предпочитает не беременеть, но все же хочет ребенка, который будет генетически «своим». Некоторые из них являются гомосексуальными парами, для которых суррогатное материнство является единственным средством зачатия ребенка, связанного по крайней мере с одним из его родителей. Некоторые из этих пар используют традиционное суррогатное материнство, при котором сперма поступает от будущего отца, а яйцеклетка — от суррогатной матери. Некоторые используют гестационное суррогатное материнство, при котором яйцеклетка донора от другой женщины, и некоторые используют то, что можно грубо назвать стратегией смешивания и сопоставления, смешивая донорскую сперму с донорскими яйцеклетками, имплантированными в биологически неродственную матку. По мере совершенствования медицинской технологии, поддерживающей все эти варианты, спрос на суррогатное материнство почти наверняка будет расти. Но проблема в том, что основы рынка суррогатного материнства, правила, законы и содержание договоров развиваются значительно медленнее. Законодательные органы как в Соединенных Штатах, так и в Европе не хотят напрямую заниматься вопросом суррогатного материнства. Их вмешательство, в основном, принимает форму запрета. Коммерческое суррогатное материнство запрещено, например, в Германии, Франции и некоторых штатах Австралии. Оно резко ограничено в Израиле и Великобритании, но максимально либерально в Казахстане [1; 32].

Спрос на рынке суррогатного материнства настолько интенсивный, что пары вступают в соглашение о суррогатном материнстве, даже когда они знают или подозревают, что это либо незаконно, либо никак и никем не регулируется. Они пересекают государственные границы в поисках услуг суррогатных мам, а иногда даже ввозят суррогатных мам напрямую. Поскольку такое поведение регулируется очень плохо, то и возможностей для мошенничества предостаточно. Суды вмешиваются тогда,

* Автор-корреспондент. E-mail: madina.seidinova@bk.ru

когда происходит мошенничество: суррогатная мать отказывается бросить курить, или аборттировать деформированный плод, или отказываться от новорожденного ребенка, или в одностороннем порядке пересматриваются условия договора, или ребенка невозможно отдать родителям, так как запрещены перемещения как внутри страны, так и за ее пределы, как было в период пандемии COVID-19.

Материалы и методы исследования

Автор в процессе исследования данной темы использовал метод юридической формальной логики в виде дедукции и индукции. Благодаря дедукции удалось сделать умозаключение от общего к частному к соответствующему опыту регулирования суррогатного материнства в разных странах. Завершив анализ международного опыта регулирования суррогатного материнства, автор сформулировал завершающий вывод, переходя от частному к общему.

Сравнительный анализ опыта регулирования суррогатного материнства и экспертных дискуссий о причинах существования коммерческого суррогатного материнства позволил предложить легализовать суррогатное материнство, а не использовать запретительные и/или ограничительные меры. Методом научного прогнозирования автор предлагает сформулировать пакет международных норм, с целью регламентации суррогатного материнства на международном уровне.

Результаты

По своей сути суррогатное материнство — это низкотехнологичная операция. Все это влечет за собой желание женщины (или ее принуждение) заняться сексом с мужем другой женщины, а затем желание (или принуждение) позволить этой другой женщине воспитывать ее ребенка. С чисто экономической точки зрения единственная проблема связана с отсутствием готовности при отсутствии принуждения. Учитывая, что беременность и роды сопряжены со значительными затратами, а иногда даже с физической опасностью, зачем женщине брать на себя риск зачатия? В библейские времена стимулом было принуждение: «В конце концов, Валла была служанкой Рахили и, по-видимому, не имела выбора» [2; 94]. В других случаях альтруизм может обеспечить достаточную награду, когда друзья или сестры производят потомство для своих родных, которые не могут иметь детей. Однако, как правило, мы должны ожидать провала от экономической составляющей рынка суррогатного материнства. Ибо без стимула или принуждения предложение суррогатных матерей никогда не сравняется с их спросом. По крайней мере, теоретически недостающая часть этой головоломки — это деньги. Если бы женщинам можно было платить за работу в качестве суррогатных матерей, то финансовая компенсация могла бы заменить принуждение в качестве действенного стимула. Сбой рынка можно преодолеть, используя основной рычаг коммерции — деньги — для увеличения предложения потенциальных суррогатных матерей. Суррогатное материнство может стать платой за услуги. Однако исторически интимный характер задачи суррогатного материнства делал такие договоренности непрактичными. Немногие женщины хотели, чтобы им платили за то, что, по сути, было сексом плюс беременность и ребенок. Немногие мужчины (или их жены) хотели заключать договор на такие услуги. Таким образом, даже деньги не могли создать рынок суррогатного материнства, несмотря на значительный спрос. Однако в последние десятилетия нашего века суррогатное материнство пережило значительное возрождение. Частично толчок этому возрождению дали новые медицинские технологии, частично — коммерческие медицинские организации и частично — изменения моральных норм. Вместе они создали динамичный, хотя и этически неоднозначный рынок материнства.

Первой частью этого возрождения стала такая медицинская технология как искусственная инсеминация (далее — ИИ). Эта процедура была усовершенствована в 1980-х гг. и в значительной степени была продиктована спросом, обусловленным мужским бесплодием. Как и суррогатное материнство, ИИ — очень простая операция. Мужчина производит сперму в лабораторных условиях; сперма захватывается и сохраняется; а затем сперма без участия мужчины вводится будущей матери. Первоначально это лечение использовалось почти исключительно на некоммерческой основе, как способ для пар зачать ребенка, когда муж страдал каким-либо физическим заболеванием, препятствующим оплодотворению. Однако вскоре возник дополнительный спрос, выходящий за пределы как супружеских отношений, так и рыночных границ. Оказалось, что многие женщины стремились получить доступ к донорской сперме, которая не принадлежала их мужьям. Некоторые из этих женщин имели мужей с генетическими заболеваниями; у других мужья не могли производить сперму; у третьих не было мужа, но тем не менее им хотелось иметь детей. В каждом из этих случаев ИИ решила эти проблемы и создавала коммерческий спрос. Коммерческая услуги по ИИ развивались медленно. Так,

первоначально в клиниках использовалась сперма только мужей их пациенток. Затем они стали принимать жертвования от друзей или членов семьи, а затем поняли, что более безличная система может повысить как количество, так и качество спермы. Развивая коммерческие предложения в области ИИ, привлекая доноров и выплачивая им номинальную плату, клиники могли уменьшить свою зависимость от круга друзей пациента и ввести более анонимную форму контроля качества. К 1980 г. в США насчитывалось 17 банков замороженной спермы, предлагающих на продажу более 100 000 образцов [3]. Для суррогатного материнства значение ИИ было очень важным. В прошлом единственным способом для суррогатных матерей произвести на свет детей был физический половой акт с будущим отцом. Однако с ИИ зачатие перестало быть связанным с сексом, что позволило мужчине оплодотворить суррогатную мать, даже не встретившись с ней. Это физическое дистанцирование сделало суррогатное материнство значительно более привлекательным вариантом. В сочетании с постоянно растущими донорами и банками спермы это также сделало суррогатное материнство более доступным, позволив бесплодным парам получать как сперму, так и яйцеклетки из внешних источников. Таким образом, с экономической точки зрения появление коммерческого ИИ увеличило как спрос, так и предложение суррогатных матерей. Как только спрос и предложение сформировались, рынок с готовностью последовал за ними [4; 287–309].

Исследователи суррогатного материнства проблематизировали ситуацию торговли детьми, которая зашла слишком далеко, и что развитие новых репродуктивных технологий фактически превратили в товар как женщин, так и детей [5; 71–92]. Сторонники новых репродуктивных технологий, напротив, говорили о родительском отчаянии (у тех, кто обратился к суррогатному материнству, не было других способов произвести на свет биологического ребенка), либо о свободе заключения договоров (если бы людям было разрешено производить потомство и заключать договор, то, конечно же, они должны иметь возможность производить потомство по договору). Эти дебаты разыгрывались как в академических кругах, так и на гражданских форумах, противопоставляя сторонников рынка защитницам прав женщин. Интересен тот факт, что большинство феминисток солидаризировались с традиционными консерваторами в этом вопросе, утверждая, что права женщин не включают право продавать свои репродуктивные услуги [6; 28]. Некоторые пошли еще дальше, определяя все схемы суррогатного материнства как исключительно эксплуататорские, поскольку они основаны на соответствии женщин существующим гендерным стереотипам [7; 30]. Однако более либеральные феминистки встали на сторону более радикальных сторонников свободного рынка, настаивая на том, что свобода для женщин включает свободу заключения договоров [8]. В течение нескольких лет эти дебаты бушевали в академическом сообществе и в средствах массовой информации. Они спровоцировали резкий раскол в феминистском сообществе и создали совершенно новые области для юридических и научных исследований.

Суррогатные матери продают свой труд или свое тело? Заказчики/супруги покупают услугу или ребенка? Без четкого законодательства по этим вопросам спорные дела о суррогатном материнстве неизбежно попадали в суды, где судьи также могли выносить очень разные решения. Некоторые женщины — из альтруизма, вины или чистого желания — были готовы заключить договор в условиях такой законодательной неопределенности, вступая в соглашения, которые оставались практически невыполнимыми.

К середине 1980-х гг. споры о суррогатном материнстве становились все более острыми, научные медицинские разработки сделали их в значительной степени спорными, потому что новые медицинские технологии зачатия вытеснили традиционную модель суррогатного материнства гестационным суррогатным материнством, создав замену с гораздо большим коммерческим потенциалом. Гестационное суррогатное материнство разделило процесс вынашивания ребенка на три совершенно отдельных элемента и это произвело революцию в репродуктивной медицине [4; 288]. Основанием для этой революции стала технология экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО), медицинского прорыва, который позволил зачать детей вне матки, в пробирке. Получившая известность в 1978 г. с рождением Луизы Браун в Великобритании, первого в мире «ребенка из пробирки», ЭКО снова стало результатом многолетних поисков борьбы с бесплодием.

Государственные органы Великобритании и США с подозрением отнеслись к медицинскому прорыву, но в конце концов одобрили ЭКО с некоторыми ограничениями для лечения бесплодия. К 1985 г. ЭКО стало широко используемой практикой и процветающей коммерческой отраслью. Только в Соединенных Штатах около 70 клиник предлагали процедуры экстракорпорального оплодотворения, привлекая клиентов с очень похожими характеристиками: они были молоды, женаты и жен-

щины страдали дефектами фаллопиевых труб [9; 87]. Однако к этому моменту последствия суррогатного материнства были просто слишком заманчивыми, чтобы их игнорировать. Технически преимущество ЭКО заключалось в том, что оно позволяло некоторым бесплодным женщинам обойти физиологическую сторону беременности. При традиционных схемах суррогатного материнства суррогатная мать была также генетической матерью ребенка, которого она родила. Суррогатная мать фактически отдавала «своего» ребенка другой женщине, не имевшей биологических связей с рожденным ребенком. Эта центральная асимметрия превратила суррогатное материнство в юридическую трясину, поскольку у суррогатной матери, несомненно, было больше прав на ребенка, чем у предполагаемой матери. Действительно, почти во всех оспариваемых делах о суррогатном материнстве суррогатная мать отвоевывала права на «своего» ребенка, определяемые только конкурирующими правами заказчика/отца, который имел равные биологические права. Заказчица/мать, напротив, имела только договорное право на ребенка, право, которое как обществу, так и судам было все труднее отстаивать. Таким образом, с коммерческой точки зрения гестационное суррогатное материнство подразумевало менее конфликтную социальную среду. Если же заказчики/родители заключили гестационный договор, они могли купить два отдельных компонента: яйцеклетку из одного источника, матку из другого. ЭКО предоставило возможность технически объединить два этих компонента в одном ребенке. Сбор яйцеклеток для ЭКО процедуры — сложный и иногда опасный процесс. «Донор» яйцеклеток должен соблюдать строгий гормональный режим и подвергнуться хирургической процедуре, при которой яйцеклетки удаляются из ее яичников. Восстановление может быть болезненным, а долгосрочные последствия для здоровья женщины неизвестны. Тем не менее, как только ЭКО вызвало коммерческий интерес к яйцеклеткам, женщины-доноры начали продавать их. Изначально большинство клиник, занимающихся этой практикой, шли по проторенному всеми пути вспомогательной репродукции. Они незаметно рекламировали женщин, которые хотели «пожертвовать», а не продать свои яйцеклетки; женщины, которые хотели помочь другой женщине и помочь создать жизнь. Они также предлагали заплатить около 2500 долларов, чтобы покрыть расходы на «время и неудобства». Предположительно, некоторые из этих женщин-доноров были искренне заинтересованы в альтруистическом донорстве яйцеклеток, но при сумме в 2500 долларов финансовая привлекательность также была весьма заметной. К концу 1990-х гг. массовую прессу заполнили истории о продаже яйцеклеток, в которых рассказывалось о женщинах, находящихся в затруднительном финансовом положении, «жертвующих» свои гены для оплаты счетов. По мере распространения историй рос и интерес женщин. В 1995 г., например, программа вспомогательной репродукции в Колумбийско-Пресвитерианском медицинском центре Нью-Йорка включала всего пять доноров яйцеклеток. К 1998 г. директор программы сообщил, что он получал от 50 до 100 звонков в неделю от потенциальных доноров, и теперь у него в деле было 500 доноров [10].

С чисто экономической точки зрения приток яйцеклеток должен был оказать давление на их стоимость. Однако вместо этого увеличение женщин-доноров фактически увеличило как цену, так и спрос: чем больше женщин предлагали пожертвовать свои яйцеклетки, тем больше женщин хотели их купить. Возник более широкий и обезличенный рынок, полный разных предложений и широкого выбора. Вскоре женщины стали покупать определенные яйцеклетки от определенных доноров и иногда платили серьезные суммы за свой выбор. В 1995 г. действующая цена донорских яйцеклеток составляла примерно 2500 долларов. К 1999 г. объявление в газетах «Ivy League» предлагало 50 000 долларов за «правильные» яйцеклетки [11]. Большая привлекательность ЭКО стала заключаться в том, что предложение яйцеклеток больше не ограничивалось предложением самих суррогатных матерей. Вместо этого яйцеклетки стало возможным выбирать по разным характеристикам и типам. Появилась возможность смешивать определенные сперматозоиды с определенными яйцеклетками и имплантировать их в чужую матку. Все это позволило репродуктивному рынку процветать. Это также, вначале казалось, уменьшило моральные, политические и юридические проблемы, которые преследовали традиционное суррогатное материнство. Как только яйцеклетка была отделена от матки, связь между биологической матерью и ребенком утрачивала свой генетический аспект.

Все больше женщин были готовы стать гестационными суррогатными матерями, чем традиционными; всё больше женщин были готовы предоставить свои яйцеклетки; и все больше пар соглашались заключать договоры на суррогатное материнство, когда знали, что биологическая мать не будет иметь генетической связи с ребенком. В результате создание рынка яйцеклеток фактически стабилизировало — юридически и коммерчески — рынок суррогатных матерей. Поскольку цена яйцеклеток выросла в конце 1990-х гг., цена на услуги суррогатного материнства оставалась стабильной

на уровне около 10 000 долларов за беременность. Тем временем предложение суррогатных матерей становилось все более разнообразным, в частности, за счет включения цветных женщин, которые теперь могли вынашивать белых детей с помощью вспомогательной репродукции.

Более того, поскольку гестационное суррогатное материнство облегчало менее привилегированным женщинам вынашивание детей для более богатых женщин, оно представляло собой особенно вопиющую форму эксплуатации: бедные женщины продавали свое тело или, по крайней мере, использовали свои тела более состоятельным людям [12; 121]. Другими словами, рынок принуждал женщин к суррогатному материнству; заставляя их делать то, что они иначе вряд ли бы выбрали [13; 95].

Трудно представить ребенка в качестве коммерческой сделки. В детоцентричных обществах, дети, в общественном мнении, являются продуктом любви, а не денег, зачатия, которых происходит вне зависимости от какой-либо коммерческой деятельности. Есть, конечно, многочисленные случаи, когда экономические обстоятельства влияют на уровень рождаемости. Бедные родители во все времена и в разных обществах рассматривали своих детей как потенциальный экономический ресурс, взвешивая их возможный экономический вклад - на поле, фабрике - с затратами на их социализацию. Родители выбирают пол своих детей, исходя из экономических факторов, используя инфантицид (детоубийство) или отказ от детей, чтобы избавиться от менее ценного потомства. В самых безнадежных обстоятельствах они даже использовали своих детей, продавая их в рабство. Однако даже в этих крайних случаях акт зачатия едва ли можно рассматривать как экономический акт. Наоборот, это внутренне интимная форма производства, частная «сделка», не имеющая ничего общего с бизнесом.

Обсуждение

Сегодня вопрос о новых репродуктивных технологиях обсуждаются даже в политических дебатах. Феминистки говорят о проблеме отчуждения женских тел, ученые-правоведы исследуют договорные и юридические вопросы, социологи изучают каково общественное мнение в отношении суррогатных мам и/или заказчиков. Однако есть один критический аспект суррогатного материнства, которому уделяется относительно мало внимания. И это вопрос о том, возможно ли рассматривать суррогатное материнство как бизнес, прибыльное предприятие, которое резко увеличилось за последние десятилетия. Некоторые аспекты этого бизнеса строго регламентированы: например, критерии для усыновителей или запрет на продажу детей.

Должны ли конфликты между заказчиками и суррогатными матерями разрешаться в судах или регулироваться международным законодательством? Более того, кто должен определять условия, на которых рекламируются и продаются репродуктивные услуги – государство, право, медицинские клиники?

Уже сейчас суррогатные матери в Соединенных Штатах (наиболее развитый рынок в данном случае) явно менее богаты, чем договорные родители [4; 290]. Суррогатные мамы в США реже являются представителями белой расы. По мере того, как рынок расширяется за счет «источников» суррогатных из Польши, Индии, Мексики или постсоветских республик это несоответствие почти наверняка будет увеличиваться, увеличивая огромную пропасть, которая уже отделяет богатые страны от бедных. Таким образом, на рынке существует базовый дисбаланс и постоянный риск или даже гарантия потенциальной эксплуатации женщин, желающих стать суррогатными матерями. Затем этот дисбаланс усугубляется множеством противоречащих друг другу правил, которым противостоит суррогатное материнство, - набором законов, норм, юридических решений и религиозных верований, которые различаются в разных обществах. Иногда эти правила фактически криминализируют суррогатное материнство и загоняют его в подполье. Иногда они просто ограничивают бизнес суррогатного материнства и увеличивают коммерческую неопределенность. В любом случае эффект состоит в том, чтобы сделать и без того несовершенный рынок еще более несовершенным. По иронии судьбы, однако, именно это сочетание ограничений делает национальное суррогатное материнство особенно привлекательным. Ибо чем больше ограничений в какой-либо отдельно взятой стране, тем больше искушение обратиться к аутсорсингу. Представьте себе, например, пару, живущую в Берлине, отчаянно нуждающуюся в ребенке, который не может зачать ребенка. По немецкому законодательству суррогатное материнство не допускается. Без особых проблем или юридического риска эта пара отправляется в США, в Лос-Анджелес, покупает там яйцеклетки (или сперму) у донора, а затем полученный эмбрион имплантирует суррогатной матери-индианке, украинке, казахстанке.

Мы можем констатировать, что уже сейчас суррогатные матери стали товаром на репродуктивном рынке. Цена суррогатного материнства, по существу, фиксированная, а характеристики суррогатной матери (кроме критериев здоровья) все больше не имеют отношения к процессу зачатия. С экономической точки зрения нет никаких причин, по которым бедные азиатские женщины не должны вынашивать детей для богатых западных пар, почему молодые обедневшие африканцы не должны заниматься вынашиванием детей. Сегодня эти женщины заполняют нижние слои международного рынка труда: они шьют рубашки в Камбодже; собрать кроссовки в Китае и зарабатывать на жизнь изготовлением изделий ручной работы в Кыргызстане. Чисто по экономическим соображениям нет никаких причин, по которым эти же женщины не могли бы вместо этого обеспечивать рождение ребенка для заказчиков. Даже если бы эти женщины предпочли суррогатное материнство другим альтернативам, если бы они сами решили, что вынашивание чужого ребенка предпочтительнее, чем шить рубашки или кроссовки, то чем был мотивирован их выбор стать суррогатной матерью? Является ли свободным выбор, если мать троих детей становится суррогатной матерью, чтобы прокормить своих детей? Когда она подписывает официальный контракт, эта женщина проявляет свободную волю или демонстрирует отчаяние, вызванное неравенством? Большинство критиков суррогатного материнства решительно настаивают на последнем. Или, как пишет Оливер, «в случае суррогатного материнства свобода - это иллюзия» [13; 97]. Такие аргументы явно имеют вес. Суррогатное материнство неизбежно будет процветать за счет огромного экономического неравенства, которое характеризует глобальную торговую систему. В суррогатном материнстве заложена потенциальная эксплуатация женщины, так как почти наверняка женщины, выступающие в роли суррогатных матерей, будут в невыгодном положении по сравнению с родителями, которым они служат: они будут беднее, менее образованы и будут базироваться в тех частях мира, где экономические возможности существенно ограничены.

Также, важно вместо того, чтобы запрещать суррогатное материнство (что, скорее всего, послужило бы лишь распространению этой практики за границей или в подполье), государства могли бы регулировать его, используя традиционные каналы власти для контроля над рынком или сглаживания его острых углов. Такое вмешательство уже стало общепринятой практикой в других сложных и интимных отношениях, включая брак, медицинские исследования и трансплантацию органов. Так, в 1938 году контрацепция считалась неприемлемой и отвратительной, также как сегодня многие критики относятся к суррогатному материнству. Это рассматривается как отклонение от природы; злополучная попытка людей вмешаться в то, что сотворил Бог, и лишить женщин одной из их самых ценных функций. Однако, как и в случае с вспомогательной репродукцией, спрос на противозачаточные средства в конечном итоге был слишком высок, чтобы его запрещать. Поскольку технологии сделали контрацепцию проще и дешевле, появился рынок, удовлетворяющий этот спрос. Государство долгое время боролось с рынком, но затем государство осознало, что этот рынок лучше подходит для регулирования, чем для запрета.

Выводы

В сфере суррогатного материнства потребность в регулировании, сильнее и сложнее. Поскольку суррогатное материнство стало транслокальным, пересекает все границы, необходимо его регулирование на международном уровне. Поскольку в договоре о суррогатном материнстве участвуют несколько сторон, все они должны быть включены в применимые правила и нормы. Потребуется установить определенные права собственности, а также договорные принципы. Необходимо будет установить меры безопасности, гарантирующие, что в этой сделке не будет эксплуатации, и чтобы женщины, находящиеся в трудном финансовом положении, решившие стать суррогатными женщинами, были обеспечены защитой, которой они заслуживают. Существует огромный спрос на услуги суррогатного материнства и растущее количество женщин, желающих стать суррогатными матерями. Есть состоятельные посредники и процветающий и дезагрегированный рынок суррогатного материнства. Чего не хватает, так это того, что могут обеспечить только государства: правил, норм, регулирующих договоры о суррогатном материнстве, которые предотвратят злоупотребления.

Список литературы

- 1 Garrity A. A Comparative Analysis of Surrogacy Law in the States and Great Britain. *Louisiana Law Review*. — 2000. — 60: P. 809-32.
- 2 Сейдинова М.А. История становления института суррогатного материнства / М.А. Сейдинова // Вестник Карагандинского университета. Серия право. — 2022. — №4 (108). — С. 95–106. DOI 10.31489/2022L4/95-106
- 3 Fleming A. New Frontiers in Conception / A. Fleming. — *New York Times Magazine*. — 20 July. — 1980.
- 4 Debora L. Spar for Love and Money: The Political Economy of Commercial Surrogacy Author(s) / L. Debora // *Source: Review of International Political Economy*. — May. — 2005. — Vol. 12, No. 2. — P. 287-309.
- 5 Anderson E. Is Women's Labor a Commodity? / E. Anderson // *Philosophy & Public Affairs*. — 1990. — 19. — P. 71-92.
- 6 Warnock M.A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilization and Embryology / M.A. Warnock. Oxford: Basil Blackwell. — 1985. — P. 28-39.
- 7 Roach Anleu S. Surrogacy: For Love but Not for Money? / S. Roach Anleu // *Gender & Society*. — 1992. — 6. — P. 30-18.
- 8 Posner R. Sex and Reason, Cambridge / R. Posner. — Harvard University Press. — 1992.
- 9 Singer P. Making Babies: The New Science and Ethics of Conception / P. Singer, D. Wells. — New York. — 1984. — P. 87-104.
- 10 McKinley J. The Egg Woman / J. McKinley. — *New York Times*. — 17 May. — 1998.
- 11 Kolata G. \$50,000 Offered to Tall, Smart Egg Donor / G. Kolata. — *New York Times*. — 3 March. — 2019.
- 12 Grayson, D. Mediating Intimacy: Black Surrogate Mothers and the Law / D. Grayson // *Critical Inquiry*. — 1998. — P. 121-134.
- 13 Oliver K. Marxism and Surrogacy / K. Oliver. *Hypatia*. — 1989. — 4. — P. 95-115.

М.А. Сейдинова

Суррогат ана болудың этикалық мәселелері

Коммерциялық суррогат ананың әлемдік нарығы айтарлықтай қарқынмен өсіп келеді. Жыл сайын мыңдаған әйелдер ақылы түрде басқа әйелге бала көтеруге келіседі. Нәтижесінде мыңдаған бала бір әйелдің ұрығынан туады, бірақ сұранысқа ие басқасы. Осы мақаланың негізгі дәлелі суррогат анаға күрделі коммерциялық, этикалық, құқықтық қатынас ретінде қарау керек. Қазіргі уақытта жатырдың, сперматозоидтардың және жұмыртқалардың халықаралық саудасы белсенді түрде жүргізілуде. Суррогат ана қызметтеріне деген сұранысты да, суррогат аналардың ұсынысын да арттырып, қарқынды дамып келе жатқан медициналық технологиялар бар. Бірақ суррогат ана болуды реттейтін нарықтық ереженің негіздері — нормалар, заңдар әлдеқайда баяу дамып келеді. АҚШ, Франция, Германия, Австрия сияқты кейбір мемлекеттер суррогат анаға қатысты мәселелерді негізінен тыйым салу түрінде реттейді, ал басқа мемлекеттер, мысалы, Үндістан, Ресей, Қазақстан сияқты мемлекеттер барынша либералды заңнаманы қабылдаған. Мақалада автор мынадай тұжырым жасаған: суррогат ана болудың этикалық және моральдық мәселелерін әлемдегі барлық елдердің екі лагеріне бөлген: ол әйелдердің құлдығымен салыстыратын жақтаушылар мен қарсыластар. Бұл мәміледе қаржылық жағдайы қиын әйелдерді қанаудың болмауын қамтамасыз ететін қауіпсіздік шараларын белгілеу қажеттілігі негізделді.

Кілт сөздер: суррогат ана болу, суррогат ана, гестациондық суррогат ана болу, этикалық мәселелер, моральдық мәселелер, экстракорпоралды ұрықтандыру, суррогат ананың құқықтары, суррогат баланың құқықтары, ата-ананың құқықтары.

M.A. Seidinova

Ethical issues of surrogacy

The global market for commercial surrogacy is growing at a significant pace. Every year, thousands of women agree, for a fee, to bear a child for another woman. As a result, thousands of children are born conceived by one woman, but claimed by another. The central argument of this article is that surrogacy should be approached as a complex commercial, ethical, legal relationship. At the moment, there is an active international trade in uterus, sperm and eggs. There are rapidly advancing medical technologies that have undoubtedly increased both the demand for surrogacy services and the supply from surrogate mothers. But the fundamentals of the market rule governing surrogate motherhood, norms, laws are developing much more slowly. Some states, such as the USA, France, Germany, Austria regulate issues related to surrogacy mainly in the form of a ban; other states create the most liberal legislation, such as India, Russia, Kazakhstan. In the article, the author concluded that he divided the ethical and moral issues of surrogacy into two camps of all countries in the

world: supporters and opponents who compare it with the slavery of women. The necessity of establishing security measures to ensure that there will be no exploitation of women in a difficult financial situation in this transaction is justified.

Keywords: surrogacy, surrogate mother, gestational surrogacy, ethical issues, moral issues, in vitro fertilization, surrogate mother's rights, surrogate child's rights, parents' rights.

References

- 1 Garrity, A. (2000). A Comparative Analysis of Surrogacy Law in the States and Great Britain. *Louisiana Law Review*, 60: P. 809-32
- 2 Seydinova, M.A. (2022). Istoriiia stanovleniia instituta surrogatnogo materinstva [The history of the formation of the institution of surrogate motherhood]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriiia pravo — Bulletin of the Karaganda University. "Law" Series*, 4 (108), 95-104 [in Russian].
- 3 Fleming, A. (1980). New Frontiers in Conception. *New York Times Magazine*, 20 July.
- 4 Debora, L. (2005). Spar for Love and Money: The Political Economy of Commercial Surrogacy Author(s): Source: *Review of International Political Economy*, Vol. 12, 2, 287-309.
- 5 Anderson, E. (1990). Is Women's Labor a Commodity? *Philosophy & Public Affairs*, 19, 71-92.
- 6 Warnock, M. (1985). A Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology, Oxford: Basil Blackwell, pp. 28-39.
- 7 Roach Anleu, S. (1992). Surrogacy: For Love but Not for Money? *Gender & Society*, 6, 30-18.
- 8 Posner, R. (1992). *Sex and Reason*, Cambridge: Harvard University Press.
- 9 Singer, P. & Wells, D. (1984). Making Babies: The New Science and Ethics of Conception, New York, 87-104.
- 10 McKinley, J. (1998). The Egg Woman. *New York Times*.
- 11 Kolata, G. (2019). \$50,000 Offered to Tall, Smart Egg Donor. *New York Times*.
- 12 Grayson, D. (1998). Mediating Intimacy: Black Surrogate Mothers and the Law, *Critical Inquiry*, 121-134.
- 13 Oliver, K. (1989). Marxism and Surrogacy, *Hypatia*, 4, 95-115.